

В литературе о Николае II значительно больше внимания уделяется его роли во внутренней жизни страны, чем во внешней политике. Между тем, как раз в области иностранных и близко связанных с ними военных дел власть последнего царя оставалась неограниченной до самого свержения. На протяжении более чем двух десятилетий во всех принципиально важных вопросах, и особенно в критические моменты, ему принадлежало последнее решающее слово.

Оценивая личное влияние монарха, не приходится, конечно, забывать об объективной обстановке, определявшей общее направление политики России. Обострялось соперничество великих держав, в котором наряду с традиционными силовыми факторами все большую роль играли экономическое и особенно финансовое могущество, колониальные владения, политическое развитие и уровень культуры. Контуры будущего столкновения уже вырисовывались в виде противостояния Тройственного и русско-французского союзов в Европе и обострения отношений России с Японией и другими державами на Дальнем Востоке.

Особенность положения России заключалась в том, что одновременно возросло значение проблемы модернизации страны. Вставал вопрос, сохранится ли она как великая держава, сделав экономический, политический и культурный рывок, или будет относительно слабеть и утрачивать свои позиции. А это в свою очередь зависело от того, удастся ли на длительный срок сохранить внешний покой, избежать международных столкновений.

Выбор правильного курса затрудняла отсталость государственного устройства страны, где не было ни коллегиального правительства, ни законодательных палат, и все решения в конечном счете принимал царь, не имевший какого-либо собственного аппарата. Многие, таким образом, зависело от способностей и личных качеств самодержца.

О роли последнего царя во внешней политике высказаны противоположные мнения. А. М. Зайончковский замечал, что в то время, как при Николае I, Александре II и Александре III было по одному министру иностранных дел и проводился стабильный международный курс, в последнее царствование сменилось восемь глав МИД и политика менялась с каждым новым министром. Он лишь повторяет в этом случае небеспристрастное мнение С. Ю. Витте о Николае как «флюгере», причем не учитывает изменившегося характера международных отношений, обусловливавшего частые повороты во внешнеполитическом курсе. У С.С.Ольденбурга, напротив, Николай II предстает самостоятельным и целеустремленным политиком, который, обходя препятствия, порой отклоняясь в сторону, «в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели»¹. Позволительно усомниться в том, что политика последнего царя была действительно столь целеустремленной, если, конечно, не понимать под этим ее неизменно имперский и консервативный дух.

Известно, что Николай II не обладал твердостью характера Александра III и поначалу легко поддавался влиянию окружающих, нередко даже меняя под их воздействием свои решения. Но к этому нужно сделать некоторые оговорки. Во-первых, воспитание и пример отца заложили в его сознании тот взгляд на миссию России в мире и свою роль в ее осуществлении, от которого он не отступал. Во-вторых, свою уступчивость Николай признавал как слабость и со временем разработал ряд приемов, позволявших ему, не вступая в полемику, в которой он был не мастер, проводить собственную точку зрения. Убеждение в своей правоте давала ему вера в то, что Бог не оставит своего помазанника в минуту трудных решений,

Более важным недостатком представляется его неспособность обобщать информацию и предложения, поступавшие от разных ведомств, вырабатывать на этой основе курс политики и следить за его неуклонным проведением.

С самого начала царствования проявился и такой недостаток Николая, как воинственность и самонадеянность. Эта черта правителя была особенно нехотима для страны, нуждавшейся в целях модернизации во внешнем спокойствии. Витте уже в 1896г. приходилось убеждать царя, что каждый год, прожитый Россией в мире, «равносилен выигрышу хорошего и полезного сражения»².

Воссоздание взглядов и роли Николая II во внешней политике затрудняет характер имеющихся источников. «Дневник» царя малосодержателен. Воспоминаний он не писал, не писал и аналитических записок — последнее было делом подчиненных. Плодом личного творчества Николая II являлась его переписка, к счастью, сохранившаяся и в значительной

мере опубликованная, и многочисленные пометы на дипломатических документах. Эти «резюльюции» большей частью лаконичны, но взятые вместе они дают определенное представление о взглядах и настроениях царя. Иногда, впрочем, очень редко, он писал коротенькие записки министру иностранных дел, договариваясь о срочных делах.

Николай II царствовал свыше 20 лет, и за это насыщенное событиями время его взгляды в области внешней политики, естественно, эволюционировали. Его реальная роль в решении иностранных дел на протяжении правления также менялась. Она была минимальной в первые годы, когда молодой монарх только осваивался с новыми функциями, значительно возросла на рубеже веков, накануне и во время войны с Японией. Затем последовал период некоторого ослабления личного влияния царя, связанный с неудачами на Дальнем Востоке, некоторой трансформацией государственного аппарата и воздействием П.А.Столыпина и А.П.Извольского, и новая активизация непосредственно накануне и в годы мировой войны.

7. В начале царствования

Ранняя смерть Александра III застала его преемника недостаточно подготовленным к заведованию внешнеполитическими делами. Правда, новый император был неглуп, довольно образован, владел тремя главными европейскими языками, но практическим опытом управления он не обладал. Отец не привлекал его к решению международных вопросов. Наследник не был в курсе даже секретных документов русско-французского союза. Его знакомство с зарубежной жизнью ограничивалось поездкой в ранней молодости по странам Южной и Восточной Азии. По личным склонностям молодой монарх больше тяготел к армии и флоту, чем к дипломатическим делам. Тем не менее к руководству внешней политикой обязывало его не только положение, но и сознание тесной связи ее с международным престижем империи, высоко поднятым при Александре III. И Николай принял за новое ему дело если не с энтузиазмом, то во всяком случае с прилежанием, избегая первое время каких-либо новаций и следуя рекомендациям министров и советам близких родственников.

Первый же возникший перед ним вопрос — как заявить о себе — Николай решил по совету уже дряхлого министра иностранных дел Н. К. Гирса и энергичного Витте. Зарубежные правительства были оповещены: «Россия пребудет неизменно верна своим преданиям: она приложит старания к поддержанию дружественных отношений ко всем державам, и по-прежнему в уважении к праву и законному порядку будет видеть верный залог безопасности государства». Принципы и начала, которыми руководствовался Александр III, остаются в силе³. Это заявление вполне соответствовало желанию молодого царя следовать заветам «незабвенного отца». В чем же состояли эти заветы?

Александр III порвал с «романтическими» иллюзиями своих предшественников и решительно выдвинул на первый план национальные интересы России, как он их понимал. Царь-«миротворец» предпочитал избегать военных конфликтов в Европе, могущих стимулировать «беспорядки» в его империи. Сказанное распространялось и на Балканы. Это не означает, что Александр III был принципиальным противником войны. Он лишь считал ее крайним средством, применимым в благоприятной ситуации для достижения действительно национальной цели. Такой целью царь считал овладение Константинополем и Черноморскими проливами *. На Азию, расширению влияния в которой Александр III придавал большое значение, его осторожность распространялась лишь отчасти; здесь желательно было не вступать в конфликты с другими великими державами, с собственно же азиатскими народами можно было особенно не церемониться. Наконец, при Александре III проявилась тенденция к изоляции России, проистекавшая как из антирусской политики западных держав, так и великодержавно-националистического курса Петербурга. Царь говорил сыну, что у их страны нет настоящих друзей. Но обстоятельства не позволили удержаться на этой позиции и в конечном счете привели Россию к союзу с Францией, остававшемуся до времени секретным.

Вскоре после вступления Николая на престол Гире скончался. Пост министра иностранных дел достался 70-летнему князю А. Б. Лобанову-Ростовскому — отпрыску одного из древнейших в России дворянских родов. Выбор, кстати, не соответствовавший первоначальному желанию молодого монарха, оказался удачным, если не считать возраста и здоровья (через полтора года после назначения князь умер). Лобанов был умным, опытным и осторожным дипломатом. Его программа развивала наследие Гирса в направлениях укрепления союза с Францией, поддержания статус-кво на Ближнем Востоке, поисков контакта с Австро-Венгрией ради спокойствия на Балканах, активизации политики на Дальнем Востоке. Он также следовал линии равноудаленности от Англии и Германии, используя их противоречия и стремясь не допустить присоединения Альбиона к Тройст-

венному союзу. Министр сумел завоевать доверие и уважение царя, который поддерживал рекомендуемый им курс.

На роль «великого визиря» при молодом монархе, включая область иностранных дел, претендовал также Витте. Излишняя напористость и неаристократические манеры последнего были несимпатичны Николаю II, но царь проявлял терпение, отчасти из уважения к выбору родителя, отчасти потому, что и сам не мог отказать министру финансов в уме и энергии.

В первые же годы правления Николаю II пришлось выработать внешнеполитический курс как на Дальнем Востоке, так и в балканско-ближневосточном регионе. Японо-китайская война и намерение Японии утвердиться в южной Маньчжурии и Корее поставили Россию перед выбором; или совместно с другими державами побудить Японию к умеренности, или не ссориться с победительницей, а постараться получить компенсации для себя. Николаю II показалось, что представляется счастливым случай получить в виде вознаграждения нужной России незамерзающий порт на Тихом океане (в данном случае он думал о Корее). Но созванное по этому поводу особое междуведомственное совещание под влиянием Витте склонилось к иному решению. Царь вызвал главных участников совещания к себе и после обсуждения согласился с мнением большинства⁵.

Принятое решение, смысл которого состоял в отказе от немедленной компенсации ради будущих выгод, содержало в себе элемент риска. Но расчет на то, что Япония не решится пойти на столкновение с Россией, оказался верным. К тому же Лобанову удалось заручиться поддержкой Франции и Германии. Япония уступила, отказавшись от замысла утвердиться на континенте, но с того времени занялась энергичной подготовкой к войне с Россией.

В Петербурге принимали меры к укреплению позиций на далекой окраине: ускорили сооружение Великой Сибирской железной дороги, осуществили сближение с Китаем, постепенно наращивали вооруженные силы в регионе. Это соответствовало как заветам Александра III, так и собственным взглядам нового царя, стремившегося укрепить позиции России в Азии и прежде всего на Дальнем Востоке. Ольденбург называет его стремление «большой азиатской программой». Вряд ли, однако, молодой монарх был способен самостоятельно предложить серьезную программу. Ее выработывали более знающие и опытные люди, такие как Э. Э. Ухтомский, Д.И. Менделеев и, конечно, Витте. Уже в 1895г. Витте возбудил вопрос о проведении части Сибирской магистрали через Маньчжурию, что позволяло значительно сократить ее протяженность и потребные расходы, а также сэкономить время. У этого проекта были серьезные противники, указывавшие на его рискованность. Но Николай II, лично возглавлявший Комитет Сибирской железной дороги, поддержал Витте и поручил ему и Лобанову согласовать условия предполагаемой железнодорожной концессии в Маньчжурии⁶.

Поскольку переговоры на эту тему с Китаем по дипломатическим каналам продвигались слишком медленно, решено было использовать приезд в Россию на коронацию Николая II первого канцлера Китая Ли-Хунч-жана. По договоренности с Витте царь направил в Порт-Саид для встречи и сопровождения высокого гостя своего личного представителя, в роли которого выступал востоковед, журналист и финансист Э. Э. Ухтомский. В трудных переговорах Лобанова и Витте с Ли-Хунчжаном заметную роль сыграло личное воздействие Николая II. На аудиенции он выразил канцлеру твердое желание, чтобы железнодорожная концессия в той или иной форме была предоставлена России⁷. Успеху дела способствовало заключение 22 мая 1896 г. секретного русско-китайского оборонительного союза, направленного против Японии. Царь оценил заслуги Лобанова и Витте в развитии русско-китайских отношений, наградив их крупными денежными суммами.

В середине 90-х годов возник также ближневосточный кризис, вызванный обострившейся внутренней борьбой в Турции, массовым избиением там армян и вмешательством держав, преследовавших преимущественно своекорыстные цели. В ходе кризиса встал вопрос и о Черноморских проливах. Русский Главный штаб предложил перед лицом угрозы появления иностранных флотов в Дарданеллах подготовиться к занятию Верхнего Босфора. Хотя замысел в таком виде имел объективно оборонительный смысл, он был все же очень рискован, так как мог стимулировать несвоевременный для России раздел Османской империи. Николаю II казалось, однако, что в случае принятия его страной мер по ограждению своих интересов на проливах другие державы не посмеют вмешаться. Он признал скорейшее завершение приготовлений на Черном море необходимым и велел рассмотреть этот вопрос на особом совещании. Началась серия заседаний представителей

военного, морского и финансового ведомств, которая не столько продвинула подготовку, сколько констатировала ее недостаточность.

Осенью 1896г. обстановка на Ближнем Востоке вновь обострилась. Угроза вторжения английского, австрийского и итальянского флотов в Дарданеллы приобрела реальные очертания. Не исключена была перспектива установления коллективной опеки держав над Портой. В правящих кругах России обозначились два направления. Одно из них, возглавляемое Витте, выступало за согласованные действия с остальными европейскими державами. Представители другого считали необходимым предупредить действия соперников занятием Верхнего Босфора силами флота и десантом. Этот проект активно отстаивал, в частности, посол в Турции А.И.Нелидов. Ему симпатизировал и царь. Две точки зрения столкнулись на совещании в Царском Селе 23 ноября 1896 г., где возобладали сторонники единоличных силовых действий. Николай II в дискуссии прямо не участвовал, но согласился с мнением большинства.

Вскоре, однако, от идеи десанта пришлось отказаться. И не только в силу недостаточности морских и сухопутных средств. Выявились расхождения с Францией, касавшиеся принципиального вопроса о применимости при вероятных осложнениях союзных обязательств⁸.

В конце лета—осенью 1896г. Николай II, по инициативе Лобанова, совершил поездку по европейским столицам, посетив Вену, Берлин, Лондон и Париж. В трех последних столицах его, после внезапной смерти Лобанова, сопровождал только безликий товарищ министра иностранных дел Н.П.Шишкин, так что царь оказался в большой мере предоставлен самому себе. Перед поездкой он, конечно, получил разъяснения от Лобанова, но повседневного контроля и помощи, в которых молодой монарх нуждался, больше не было.

В Берлине Николай II от участия в переговорах благоразумно уклонился и в беседах с Вильгельмом II ограничился традиционными заверениями в дружбе и выражением недоверия к политике Англии. В следующей стране пребывания Николай повел себя уже более уверенно. Он имел две беседы с премьер-министром и министром иностранных дел Р.Солсбери по широкому кругу конкретных вопросов: о ближневосточном кризисе и судьбах Османской империи, о будущем Египта и статусе Суэцкого канала и, наконец, о Черноморских проливах. По оценке исследователя вопроса, в ходе этих объяснений выявились отсутствие у царя четкой и последовательной позиции и неподготовленность его к самостоятельному ведению дипломатических переговоров. Кое-что из советов Лобанова он, конечно, воспринял, но собственные импровизации оказались малоудачными, и послу Е. Е. Ставлю пришлось задним числом корректировать высказывания монарха⁹.

То же повторилось в Париже, где Николая II к тому же воодушевили необычайная пышность встречи и льстивая предупредительность собеседника—опытного министра иностранных дел Г. Аното. Последний уговорил царя направить русскому послу в Турции инструкцию (аналогичную направляемой одновременно французскому послу), больше отвечающую интересам Франции. Проект инструкции предусматривал расширение компетенции Управления оттоманского долга и кооперацию с Англией, если удастся достигнуть соглашения с ней по египетскому вопросу. Проект встретил возражения в Петербурге со стороны старшего советника МИД В.Н.Ламздорфа, а также Витте; запротестовал и посол Нелидов. Николай сначала надеялся переубедить их, но затем пошел на попятную.

Европейская поездка способствовала формированию взглядов молодого царя на отношения России с великими державами. У него сложилось мнение, что Франция очень дорожит союзом с Россией, а с Германией можно ладить. Поэтому целесообразно, не принимая на себя новых обязательств, продолжать играть связующую роль между континентальными державами. Политика «владычицы морей» по-прежнему вызывала у него подозрения.

Из ближневосточного кризиса Николай II извлек урок, что к решению вопроса о проливах его империя пока не готова и предсказать, когда сложится благоприятная ситуация, невозможно. «Нам только можно наметить цели нашей политики в вопросе о проливах,— писал он,— и захват Дарданелл, само собой разумеется, самое желательное. Но когда и как можно достигнуть этой цели—этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»¹⁰.

А пока желательно было стабилизировать положение на Балканах, и здесь открывалась перспектива соглашения с Австро-Венгрией, тоже заинтересованной тогда в сохранении статус-кво на полуострове. Такое соглашение и было заключено весной 1897 г. в результате ответного визита в Петербург императора Франца-Иосифа. Оно помогло

спасти Грецию от последствий поражения в военном конфликте с Турцией и передать остров Крит под опеку «концерта великих держав».

В конце июля 1897г. Петербург посетили Вильгельм II и германский статс-секретарь по иностранным делам Б.Бюлов. В связи с обсуждением торговых взаимоотношений, немецкая сторона выдвинула идею европейского таможенного союза против США, только что принявших протекционистский тариф. Но ухудшение отношений с Америкой не отвечало интересам России. Витте предложил взамен совместные таможенные меры континентальных государств Европы против всех заокеанских стран, включая Англию. Однако это не устроило германских политиков. Когда некоторое время спустя кайзер прислал царю меморандум «О необходимости образовать против США торгово-политическую коалицию европейских государств», Витте дал об этом предложении категорически отрицательное заключение, и Николай II наложил резолюцию: «Дело сие предать забвению»¹¹.

В августе 1897 г. царю нанес ответный визит президент Франции Ф.Фор. Эта встреча глав двух государств знаменательна тем, что на ней впервые открыто прозвучало слово «союз». Царь, таким образом, шел в общем направлении, очерченном Лобановым.

2. Первые плоды самодержавного руководства. В начале царствования Николая II Витте в доверительной беседе с издателем «Нового времени» А.С.Сувориным высказал предположение, что у молодого императора «дело понемногу пойдет, в лет 35—36 он будет хорошим правителем». Министр финансов ошибся в своих расчетах. Николай «оперился» даже раньше, чем он предполагал, но стал отнюдь не тем идеальным в понятии Витте монархом, который следует советам мудрого «великого визиря». Под влиянием жены и придворных, самодержец проникся убеждением, что он лучше своих министров понимает предназначение России. Представления царя о внешнеполитических задачах империи впечатляли. Новый военный министр А.Н.Куропаткин, с которым Николай был откровенен, передавал их так: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию. захватить не только Босфор, но и Дарданеллы». Царю представлялось, что министры по ведомственным соображениям задерживают исполнение его планов, но он лучше них «понимает вопросы славы и пользы России». Авантюристические задатки, проявлявшиеся уже в первые годы нового царствования, переросли в размахистый аннексионизм, доведший вскоре Россию до провала на Дальнем Востоке.

Легковесному скольжению по опасному пути во многом способствовал преемник Лобанова на посту министра иностранных дел граф М.Н.Муравьев — человек, по удачной характеристике И.С.Рыбаченок, скорее хитрый, чем умный, не блиставший в профессиональном отношении, но зато ловкий царедворец, склонный с улыбкой соглашаться на «всякую заявленную государем мысль» и «со всяким мнением, имевшим государево сочувствие»¹³. Такое поведение Муравьева лишь содействовало росту самоуверенности Николая.

В ноябре 1897 г. Германия захватила китайскую бухту Цзяочжоу на Шаньдунском полуострове. Муравьев, знавший о настроениях царя, предложил не ссориться с Берлином, а и самим захватить какой-либо другой порт, например Таляньвань на Ляодунском полуострове. Николай II охотно согласился с ним; «Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове или в северо-восточном углу Корейского залива»¹⁴. Созванное по этому поводу особое совещание при участии Витте высказалось против муравьевского предложения, грозившего подорвать русско-китайский союз и обострить отношения с другими державами. Но прошло лишь немногим более двух недель, как царь по докладу Муравьева приказал русской эскадре войти в Порт-Артур и Таляньвань, чтобы там и остаться (аргументом послужила возможность занятия этих бухт Англией). Союзу с Китаем был нанесен тяжелый удар.

В феврале 1898г. новое особое совещание высказалось за аренду южной части Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и Таляньванем, проведение туда ветки КВЖД и посылку в Порт-Артур отряда русских войск. Царь не только согласился с этой рекомендацией, но и почти одновременно повелел Витте отпустить дополнительно 90 млн руб. на военное судостроение, имея в виду прежде всего усилить Тихоокеанскую эскадру. При содействии Витте утверждение России на Ляодунском полуострове было вскоре оформлено в виде долгосрочной аренды с концессией на постройку железнодорожной линии (Южно-Маньчжурской железной дороги). Николай II был очень доволен таким исходом дела. «Это так хорошо, что даже не верится», — написал он на докладе Витте о соглашении с Китаем¹⁵.

Но эта успешная на первый взгляд акция имперской политики обострила отношения с Англией, Японией и Соединенными Штатами. Англия еще в конце января 1898 г. предложила России войти в соглашение о разделе сфер влияния на Ближнем и Дальнем Востоке. Перед лицом обострения противоречий с Францией и Германией «владычица морей» искала опоры на путях выхода из «блестящей изоляции». В Петербурге к английской инициативе отнеслись с недоверием. Это объяснялось и длительным соперничеством и нежеланием повредить русско-французским отношениям. Николаю II представлялось также, что «нельзя делить существующее независимое государство на сферы влияния». В то же время смягчение русско-английских отношений после занятия Порт-Артура было желательным. И царь дал указание: «Наши переговоры с Англией в настоящее время *могут касаться только дел Дальнего Востока*»¹⁸.

Более общий вопрос о русско-английском сближении не получил разрешения. Тогда британский кабинет обратился с предложением о союзе к Германии. Берлин на это не пошел, полагая, что ни с Францией, ни с Россией Англия договориться не сможет, и желая сохранить свободу рук. В мае 1898г. кайзер известил Николая II об английском предложении, откровенно намекая, что хотел бы получить компенсации за свой «благородный» отказ. Царь на этот раз казался на высоте. Он ответил Вильгельму, что Англия еще недавно делала и России «весьма соблазнительные предложения». «Мне очень трудно, а то и невозможно, — продолжал он, — ответить на твой вопрос, полезно ли будет для Германии принять предложения Англии? Я не знаю, какая им цена. Ты должен сам принять решение, что лучше, и что необходимо для твоей страны»¹⁷. В английском обращении к Германии царь усмотрел проявление коварства «туманного Альбиона» и утвердился в мнении о невозможности какого-либо соглашения с ним общего характера.

Но соглашение с Англией по частному вопросу — о сферах железнодорожных интересов в Китае — было в апреле 1899 г. заключено. Для смягчения ситуации на Дальнем Востоке потребовались также новые уступки Японии в Корее. С желанием сгладить напряженность международных отношений связана, по-видимому, и инициатива России в созыве 1-й Гаагской конференции мира, которую Ольденбург вряд ли правомерно приписывает лично Николаю II. Царь лишь поддержал идею своих министров, исходя в частности из соображений личного престижа — ему хотелось, подобно отцу, прослыть миротворцем.

Но отношения с Пекином в результате лишь ухудшились. Трезвый расчет подсказывал, что надо остановиться, чтобы укрепиться на достигнутых рубежах. Николая же заносило все дальше. Зловещую роль в этом сыграла печально известная «безобразовская клика».

Еще в феврале 1898 г. В.М.Вонлярлярский и А.М.Безобразов через графа И.Н.Воронцова-Дашкова обратились к царю с предложением при посредстве частной, негласно протезируемой правительством компании утвердиться в Корее и создать преграду на пути японской экспансии в Маньчжурии. Во второй записке, переданной через вел. кн Александра Михайловича, они рекомендовали создать на пограничной между Китаем и Кореей реке Ялу боевой авангард под видом охранной стражи. Деятели клики маскировали свои корыстные и карьеристские мотивы националистско-патриотической фразеологией, противопоставляя «интернациональному» методу Витте «русское начало». С государствами и народами Востока безобразовцы рекомендовали разговаривать исключительно с позиций силы.

Николаю II все эти рекомендации пришлись по вкусу. Он усмотрел в авантюристических идеях клики «государственную важность». Царь распорядился перекупить облюбованную безобразовцами ялуцзянскую лесную концессию на имя состоявшего при Министерстве двора Н.И.Непорожнего и снарядить в Корею экспедицию, поставив во главе всего дела своего шурина вел. кн. Александра Михайловича и Воронцова-Дашкова, а «исполнительную часть» возложить на Безобразова и Вонлярлярского. Средства на эти первые шаги царь выделил из «кабинетских», то есть личных сумм^{1а}. По его указанию был подготовлен проект создания Восточно-Азиатской промышленной компании. Концессию Непорожнего переформили на деятелей клики Н.Г.Матюнина и М.О.Альберта. Первым объектом предпринимательской деятельности компании должна была стать упоминавшаяся ялуцзянская концессия.

Тем временем обстановку на Дальнем Востоке осложнило восстание ихэтуаней. Для Николая оно явилось подтверждением мысли о «желтой угрозе» с Востока. Царь не сомневался, что «азиатов» нужно «проучить». По его указанию Россия приняла участие в походе войск держав на Пекин и оккупировала Маньчжурию. После подавления народного восстания русские войска оставались в Маньчжурии: возник соблазн обусловить вывод их «гарантиями» особого положения России в крае. Инициатива и наиболее далеко идущие

запросы исходили от главы военного ведомства Куропаткина. Витте и новый министр иностранных дел В.Н.Ламздорф опасались чрезмерными требованиями осложнить отношения с другими державами. Николай сначала колебался, и Витте писал с досадою: «Нет линии, нет твердости, нет слова, а Куропаткин бесится»¹⁹. В конечном счете три министра согласовали между собой условия эвакуации Маньчжурии, которые царь утвердил, но китайское правительство, используя противоречия держав, отказалось принять навязываемые требования. Переговоры с ним то прерывались, то возобновлялись

Тем временем обострились отношения России с Японией, Англией и США. В январе 1902 г. Англия и Япония заключили союз, имевший откровенно антирусскую направленность. Государственный департамент Соединенных Штатов выступил с заявлением, в котором солидаризировался с целями союза. На Дальнем Востоке запахло порохом. Царской дипломатии пришлось умерить требования на переговорах с Китаем, что позволило в марте 1902 г. заключить соглашение об эвакуации Маньчжурии в течение полутора лет.

Активная политика на Дальнем Востоке требовала обеспечения европейского тыла. В апреле 1899г. последовало соглашение о подтверждении и конкретизации условий союза с Францией. С этой целью в Россию приезжал французский министр иностранных дел Т.Делькассе, который был принят Николаем II. В сентябре 1901г. царь посетил Францию, где присутствовал на маневрах французского флота в Дюнкерке и армии в Реймсе. В мае 1902г. в Петербург с ответным визитом прибыл новый президент Франции Э.Лубэ, торжественно встреченный Николаем II. Визиту предшествовала русско-французская декларация по поводу англо-японского союза, с предупреждением о возможности принятия союзниками мер по охране своих интересов на Дальнем Востоке. В целом же Франция, заинтересованная в русской поддержке в Европе, не склонна была поощрять дальневосточные увлечения Петербурга.

Противоположную линию проводила Германия, о чем свидетельствовали встречи Николая II с Вильгельмом в Данциге (сентябрь 1901 г.), Ревеле (август 1902г.) и Висбадене (октябрь 1903г.). Германский император обещал царю гарантировать в случае конфликта на Дальнем Востоке спокойствие на западной границе России и ее морских рубежах на Балтике. Он коварно советовал Николаю II стать «адмиралом Тихого океана», «скромно» оставляя за собой роль «адмирала Атлантического». В то же время от совместного с Россией и Францией дипломатического выступления на Дальнем Востоке Германия уклонилась.

В марте 1902 г. японское правительство предложило России заключить конвенцию о разграничении сфер интересов на Дальнем Востоке. В ответ были запрошены более конкретные пожелания. Среди царских министров, дипломатов и военных были деятели, сознававшие опасность надвигавшегося конфликта. Николай II не разделял их тревоги. Он был убежден, что маленькая Япония не посмеет напасть на огромную Россию — целый континент, так что решение вопроса, быть или не быть войне, за Петербургом, а не за Токио. Кроме того, царь по впечатлениям ранней молодости полагал, что японское войско это все же не настоящая армия и в случае столкновения с русской от нее останется лишь мокрое место²⁰. В этих заблуждениях Николая поддерживали «безобразовцы» и сомкнувшийся с ними министр внутренних дел В.К.Плеве.

В июне 1901 г. Комитет министров, зная о расположении царя к проекту Восточно-Азиатской промышленной компании, утвердил ее устав. А в январе 1902г. Николай предписал Витте открыть Безобразову кредит на 2 млн. руб. «для придания веса и значения поручаемому ему мною (царем.— А. И.) делу»²¹. Царским вниманием и поддержкой предприятие пользовалось и в дальнейшем. В декабре 1902г. Безобразов по поручению Николая II выехал в Маньчжурию для изучения положения на месте и налаживания лесного дела на Ялу. В Порт-Артуре он нашел общий язык с главным начальником Квантунской области адмиралом Е.И.Алексеевым. По возвращении из поездки Безобразов представил доклад, где расхваливал состояние предпринимательства на Ялу и организованную там военную охрану и одновременно критиковал деятельность ведомства Витте и других причастных к делу министерств. Царь выразил одобрение взглядов Безобразова и подарил ему свой портрет с надписью «Благодарный Николай».

Между тем по окончании первого этапа эвакуации Маньчжурии в царском правительстве вновь возникли разногласия. Куропаткин настаивал на присоединении к России северной части края или превращении ее в протекторат, наподобие Бухары, с чем Витте и Ламздорф не соглашались. Безобразовцы предлагали вести дело к присоединению всей Маньчжурии. Николай, которому казалось, что он «только теперь набирает силу», склонялся к авантюристическому курсу.

26 марта 1903 г. под его председательством состоялось особое совещание по вопросу об образовании, с целью усилить стратегическое положение России в бассейне Ялу, частного общества для эксплуатации русских концессий в Маньчжурии и Корее. Основой для обсуждения послужила записка безобразовца А.М.Абазы о деятельности Восточно-Азиатской компании. Он добивался для общества особых привилегий и государственной поддержки. Идею автора записки поддержали Николай II во вступительном слове, а также, хотя и с некоторыми оговорками. Плеве и вел. кн. Алексей Александрович. Витте и Ламздорф не рискнули прямо противоречить царской воле, но предложили, чтобы деятельность общества велась на строго легальной основе и носила исключительно коммерческий характер. Совещание приняло половинчатые рекомендации, не удовлетворившие ни одну из сторон. Представители обеих групп апеллировали к царю.

После недолгих размышлений Николай II сделал выбор в пользу «решительного метода». В начале мая 1903 г. он направил телеграмму Алексееву и отбывшему на Дальний Восток Куропаткину, предлагая им принять энергичные меры в духе «нового курса», чтобы не допустить проникновения

в Маньчжурию иностранного влияния и поднять боеготовность России в регионе. 6 мая царь демонстративно назначил Безобразова статс-секретарем, а другого участника клики К.И.Вогака — генералом свиты. На проведенном новым царем совещании пробезобразовская настроенность царя была настолько очевидна, что противостоять ему было небезопасно. Витте и Ламздорф потерпели полное поражение, а их оппоненты восторжествовали. Вскоре последовало и учреждение Русского лесопромышленного товарищества на Дальнем Востоке, в число пайщиков которого вошли придворные и представители аристократии по личному выбору царя, а также члены безобразовской клики.

Для дальнейшей корректировки политической линии Николай II вновь направил на Дальний Восток Безобразова. Тот провел в Порт-Артуре совещание с участием Алексеева и Куропаткина, которое наметило предъявить Китаю длинный список требований о «гарантиях», обуславливающих постепенный вывод войск из Маньчжурии, завершить меры по укреплению обороноспособности России в регионе и оставить «охранную стражу» на Ялу.

В середине июля 1903 г. Япония сформулировала, наконец, свои притязания в Корее и Маньчжурии, после чего начались длительные переговоры по дипломатическим каналам. 30 июля Николай издал указ о создании на Дальнем Востоке наместничества во главе с Алексеевым, который подчинялся только Особому комитету Дальнего Востока под председательством самого царя. Это решение, принятое по рекомендации безобразовцев, вносило в управление далекой окраиной параллелизм и неразбериху, одновременно затрудняя и тормозя переговоры с Японией. Не способствовало успеху переговоров и длительное пребывание царя в Германии у родственников жены. Витте, еще пытавшийся вставлять палки в колеса «новому курсу», получил в августе отставку.

15 декабря, по возвращении из Германии, Николай II созвал совещание, чтобы обсудить предложение Алексеева; прервать переговоры ввиду неуступчивости японцев. Царь напомнил о событиях 1895 г. когда твердая позиция России заставила Японию отступить. Видно было, что перспектива войны его не очень смущает. Все же совещание, учитывая недостаточную готовность к войне, склонилось к продолжению поисков компромисса.

Следующее особое совещание состоялось 15 января 1904г., уже после получения от Японии фактически ультимативной ноты. Царь на заседании не присутствовал, но позднее говорил с его участниками по отдельности. Он лично сформулировал некоторые идеи относительно ответа Японии²².

Русские предложения были направлены Японии 22 января. Царь считал их последней уступкой: если не примут, то как Бог даст. 24 января Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Николай впервые за время переговоров стал нервничать: «Воевать так воевать, мир так мир, а эта неизвестность становится томительной»²³.

Последнее перед войной особое совещание под царским председательством собралось 26 января. Николай отклонил предложение Ламздорфа прибегнуть к посредничеству третьей державы. Было намечено предписать Алексееву атаковать японцев, если они перейдут в Корею 38-ю параллель. Поздним вечером того же дня поступили известия, что японский флот напал на русские суда в Корее и Маньчжурии.

Наглость Японии, осмелившейся напасть на Россию, да еще нарушив при этом международное право, вызвала раздражение царя. Он заявил Ламздорфу, что будет вести войну до решительного конца— до полной нейтрализации империи микадо, «так чтобы она

не могла больше иметь ни войска, ни флота»²⁴. Министру пришлось уговаривать Николая проявить сдержанность, чтобы не столкнуться с враждебной коалицией или конгрессом, как в 1878 году. Царь остался недоволен осторожностью Ламздорфа и решил взять подготовку условий будущего мира в свои руки, опираясь на советы безобразовцев. На междудеятельственное совещание при МИД было возложено лишь обсуждение будущего русских экономических предприятий на Дальнем Востоке.

Николай II разделял взгляд безобразовцев, что нужно не только изгнать японцев из Кореи и закрепиться там самим, но и присоединить к России Маньчжурию. В манифесте 18 февраля 1905 г. он сформулировал также задачу установить господство «на своем берегу Тихого океана, как то мировой державе подобает»²⁵. Эти амбициозные проекты оказались нереальными.

Русско-японская война ускорила процесс перегруппировки великих держав вокруг Англии и Германии, затронувший также Россию. Ее союзница Франция пошла на сближение с Англией. Николай II отнесся к заключению англо-французской Антанты сдержанно: «Поблагодарить за любезное сообщение. Нам к этому соглашению присоединиться не следует, так как оно нас не касается непосредственно». Осенью 1904г. произошел известный «гулльский инцидент», резко обостривший англо-русские отношения. Конфликт постаралась использовать в своих целях германская дипломатия. Вильгельм по телеграфу предложил царю парализовать угрозу войны, создав комбинацию двух империй и потребовав от Франции также присоединиться. Николай ответил кузену Вилли, что целиком разделяет его чувства и согласен с рекомендуемым средством «уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство». Ламздорфу не без труда удалось тогда настоять на приоритете союза с Францией и невыгодности переориентации внешней политики. В июле 1905г. Николай II в тайне от своих министров все же заключил союз с Германией²⁶, рассчитывая не столько улучшить международное положение России, сколько укрепить позиции самодержавия перед лицом революции. Но его новацию постигла неудача. Франция не хотела и слышать о союзе с Германией, а на разрыв с Францией не решился и сам царь. В конечном счете Ламздорф вместе с вел. кн. Николаем Николаевичем и Витте сумели переубедить императора, и Бьеркский договор с Германией не вступил в силу.

Еще ранее Николаю пришлось признать бесперспективность и опасность продолжения войны с Японией перед лицом революции. Царь принял добрые услуги президента США Т. Рузвельта в организации встречи русских и японских уполномоченных и, хотя с большой неохотой, согласился поставить во главе русской делегации нелюбимого Витте. Николай настаивал на таких условиях мира, которые не ущемили бы великодержавного достоинства России. Его инструкции Витте и телеграфные указания из Петербурга не облегчили задачи первого уполномоченного. Все же Витте удалось справиться с трудной задачей, заключив мир «почти благопристойный». За это он заслужил весьма своеобразную монаршую благодарность. Николай возвел Витте в графское достоинство. В то же время в придворных, светских и военных кругах, не без молчаливого поощрения царя, распространялась версия, будто Витте уступил японцам Южный Сахалин без согласия самодержца. Недоброжелатели злобно именовали его теперь «графом Полу сахалинским».

3. Накануне мировой войны

Поражение на Дальнем Востоке и революция поколебали международный престиж России и побудили ее внести существенные коррективы во внешнюю политику. Новый курс— политика соглашений и балансирования— должен был обеспечить внешнюю передышку, необходимую для успокоения и реформ внутри страны и возрождения ее военной мощи. Проводниками его стали способный и энергичный министр иностранных дел А.П.Извольский и твердый властный председатель Совета министров П.А.Столыпин. Николай II, обескураженный неудачами своей во многом личной политики последних лет, на время стушевался и предоставил Извольскому и Столыпину осуществлять необходимые перемены. Но это не означало ни отказа его от своих прерогатив, ни кардинального пересмотра собственных взглядов.

Когда Извольский попытался сделать шаг в сторону европейской практики и разграничить заключаемые Россией соглашения на подлежащие предварительному рассмотрению законодательными палатами и поступающие непосредственно на ратификацию царю. Совет министров с ним не 13 согласился и Николай II поддержал мнение большинства министров, охранявшее его прерогативы. Еще раньше с согласия царя был отклонен проект члена Государственного совета, в прошлом известного дипломата П. А. Сабурова о создании совещательного собрания, наподобие Комитет» финансов, для

предварительного рассмотрения важнейших внешнеполитических дел. Николай II, как и Ламздорф, предпочитал по-прежнему созывать особые междуведомственные совещания по своему усмотрению²⁷. Ему пришлось, правда, мириться с обсуждением некоторых вопросов иностранной политики в Совете министров, но царь, как показали дальнейшие события, не отказался от старой практики принятия важных решений с глазу на глаз с министром иностранных дел.

Николай II не внес заметного конструктивного вклада в заключение соглашений 1907 г. с Японией, Англией и Германией. Его личная позиция в регулируемых этими соглашениями вопросах была скорее жесткой, но он не стремился навязывать ее творцам новой политики. При обсуждении вопроса о соглашении с Англией он солидаризовался с мнением офицеров Генерального штаба, что в прошлом она выступала «самым энергичным, беспощадным и вредным» политическим противником России. Это не помешало ему дать согласие на подписание конвенции 1907г. с Англией. Когда Япония предъявила финансовые претензии в 50 млн. иен по содержанию военнопленных, Николай reagировал возмущенной репликой «Не может быть», но у него хватило здравого смысла не срывать урегулирование из-за престижного, но второстепенного вопроса²⁸.

В ходе переговоров с великими державами в 1906—1907 гг. проявились симпатии царя к консервативным Центральным империям. Беседуя с австрийским министром иностранных дел А.Эренталем осенью 1906 г., Николай II поддержал его идею о необходимости дружбы трех империй в интересах отстаивания общих монархических интересов. Об этом же говорилось при встрече царя с Вильгельмом II летом 1907г. в Свинемюнде. И когда последовал Балтийский протокол с Германией, Николай не скрыл своего удовлетворения: «Очень рад достигнутому соглашению»²⁹. В то же время на него неприятно подействовала попытка Германии сорвать заграничный заем России 1906 года.

Заметную роль сыграл Николай II во время Боснийского кризиса, подвергнувшего испытанию политику соглашений и балансирования. Тогда в правящих кругах России обозначились две «партии»: сторонников строго оборонительной политики (Столыпин, В.Н.Коковцов и их единомышленники) и тех, кто считал возможным добиться внешнеполитического успеха в контакте с Англией дипломатическими или малыми военными средствами (Извольский, Ф.Ф.Палицын). Николай II поддержал авантюристический замысел министра иностранных дел, переоценив достижения российской политики за последнее время. Переговоры Извольского — Эрентала и их сделка в Бухлау последовали с ведома царя и заслужили его одобрение. Когда же единоличные действия министра иностранных дел вызвали протест правительства Столыпина, Николай II занял промежуточную позицию. На словах открестившись от сделки в Бухлау, он в то же время позволил Извольскому продолжать поездку по европейским столицам, то есть попытался довести до конца его дипломатическую игру.

При дальнейшем развитии кризиса Николай, по своей инициативе, попробовал вмешаться. Когда в конце ноября 1908 г. пришло письмо от австрийского императора Франца Иосифа, он подумал, что, быть может, еще не все шансы упущены. 29 ноября царь встретился с личным представителем Вильгельма II Гинце. Император стал убеждать его, что можно найти взаимоприемлемый выход из кризиса: достаточно договориться об открытии для русского флота Черноморских проливов — больше ему ничего не нужно. В Берлине подумали, что настал подходящий момент вбить клин между Россией и Англией, и 6 декабря последовал ответ, что кайзер готов оказать поддержку русским притязаниям. Но тут Николаю пришлось под влиянием своих министров скорректировать позицию, и он заявил, что не хочет усложнять задачи предполагаемой международной конференции по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины внесением в ее повестку этого нового вопроса, его можно будет поставить позже и решить согласно нормам международного права путем переговоров со всеми заинтересованными державами³⁰. Стало ясно, что Россия не намерена отказываться от своих требований о международной конференции и компенсациях для Турции и балканских стран, то есть дело вернулось к исходной точке.

; Теперь правящие круги Германии утвердились в своем намерении наказать «неблагодарную» Россию. В начале марта 1909 г. ей был предъявлен фактический ультиматум. Телеграфное обращение Николая II к кайзеру не помогло. Совещание министров под председательством царя признало вмешательство в вероятный австро-сербский вооруженный конфликт невозможным, что предопределило отступление. В письме матери 18 марта 1909 г. Николай II откровенно объяснил это сознанием военной слабости: «Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться... Тем более, что нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации». На следующий день он сделал многозначительную приписку, что

форма и метод германских действий были просто грубыми, «и мы этого не забудем». Если целью было отделить нас от Франции и Англии, то она, конечно, не достигнута. «Подобные способы склонны привести к противоположному результату». В обращении к Вильгельму II царь предупреждал, что «окончательное расхождение между Россией и Австрией неизбежно отразится на наших отношениях с Германией»³¹.

Все же и после Боснийского кризиса политика соглашений и балансирования в силу необходимости продолжалась, а Николай II вносил свой вклад в ее осуществление. По его инициативе в июне 1909 г. состоялось свидание с Вильгельмом II в финских шхерах, позволившее улучшить накалившиеся были отношения с Германией. В следующем месяце Николай II отдал визиты президенту К. Фальеру, а затем королю Георгу V, во время которых подтвердил верность союзу с Францией и согласию с Англией. Сложнее складывались отношения с Австро-Венгрией, которые по личному указанию царя носили строго официальный характер. В Петербурге Двухединую монархию подозревали в намерении развивать экспансию на Балканах. Правда, формально отношения с Веней были в начале 1910 г. нормализованы, но опасения оставались. Выхода искали в разных направлениях— создания балканского союза, соглашения с Италией, а также улучшения отношений с Германией в надежде, что она удержит союзницу от неосторожных шагов.

Одна из последних серьезных попыток улучшить отношения России с Германией относится к 1910—1911 годам. Инициатива Потсдамского свидания двух императоров принадлежала Николаю II, хотя решение о переговорах было принято русской стороной под явным нажимом Германии. При беседах с кайзером в Потсдаме Николай II просил его об умеряющем воздействии на Австро-Венгрию на Балканах, пообещав со своей стороны не поддерживать враждебной Германии политики Англии. Вильгельм II в общих словах выразил согласие. Но попытки германских политиков добиться письменного соглашения в смысле этих заверений успеха не имели. Практическим результатом длительных последующих переговоров стала не общеполитическая, а региональная сделка, по условиям которой Россия обязалась не препятствовать сооружению Багдадской железной дороги и даже содействовать в будущем соединению ее с персидской железнодорожной сетью, а Германия признала северную Персию областью специальных интересов России. Николай II одобрил это соглашение, хотя и не выразил по поводу его заключения какого-либо энтузиазма³². Да условия сделки и не давали к тому основания.

В последние предвоенные годы роль царя в определении внешнеполитического курса стала снова возрастать. Постепенное восстановление военной мощи России придавало ему уверенности. Тяжелые воспоминания о дальневосточном фиаско слабели. Сошли со сцены и политики, способные контролировать его направляющую деятельность, прежде всего Столыпин. 15

Сазонов оказался податливей, во всяком случае более гибким, чем самоуверенный Извольский. Императрица и Распутин тоже немало преуспели, стараясь внушить царю веру в его провиденциальную миссию. Личностные моменты переплетались с действием объективных тенденций. В то время Россия достигла определенных успехов как в деле военной подготовки, так и в экономическом развитии. С другой стороны, столыпинская политика «успокоения и реформ» не принесла ожидаемого результата. В правящих кругах столыпинский курс стал подвергаться сомнению, включая его внешнеполитический аспект. Осторожность, балансирование между Англией и Германией постепенно уступали место поискам иных средств обеспечения интересов России. Она идет на укрепление и развитие франко-русских обязательств (морская конвенция) и стремится заручиться английской поддержкой на случай европейского конфликта (поездка Сазонова в Англию). В борьбе внутриправительственных группировок Николай проявлял склонность поддержать сторонников более решительного курса.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке в 1912—1913 гг. побудило царя конкретнее определить свою позицию в делах региона. Николай II не принадлежал к числу панславистов. В центре его внимания здесь всегда стоял вопрос о Черноморских проливах. Он вполне разделял мысль отца, что пришла пора не России таскать каштаны из огня для балканских народов, а наоборот, балканским народам послужить интересам России. Николай выступил за скорейшее окончание Итало-турецкой войны в результате совместных примирительных усилий пяти великих европейских держав. Создание Балканского союза его первоначально не тревожило («Мы сделали все, что необходимо, для того, чтобы они сидели спокойно, и нечего опасаться»), пока итальянцы не переносили войну на европейскую территорию. Когда же Балканская война приблизилась вплотную, царь сформулировал свою позицию в следующих словах: «Я настаиваю на полном невмешательстве России в предстоящие военные действия. Но, конечно, мы обязаны принять все

меры для ограждения *своих* интересов на Черном море»³⁶. Эти слова определенно свидетельствуют о приоритете, отдаваемом Николаем II интересам России в проливах по сравнению с возможными переменами на Балканском полуострове. Царь придерживался этой линии на протяжении обеих Балканских войн. Конфликты Сербии и Черногории с державами Тройственного союза беспокоили его все же меньше, нежели опасность изменения статуса проливов и Стамбула к невыгоде России.

Это не означает, конечно, что он равнодушно относился к военным приготовлениям Австро-Венгрии, направленным отчасти против самой России. В ноябре 1912г., в разгар австро-сербского конфликта, царь даже согласился с предложением военного министра В.А.Сухомлинова провести частичную мобилизацию против Австро-Венгрии, но затем под влиянием Коковцова и Сазонова пошел на попятный, заменив эту меру на менее вызывающую — задержку демобилизации солдат последнего года службы. Военно-подготовительные меры России провоцировались значительно более широкими мобилизационными мероприятиями Двуетной монархии. 5(18) декабря Николай констатировал по поводу донесения своего представителя в Вене: «Сам посол признает, что мобилизация всей армии почти закончена. Это крайне серьезно». В дальнейшем назревавший конфликт с Австро-Венгрией все же удалось урегулировать, в чем Николай II принял личное участие, приняв доверенное лицо императора Франца Иосифа князя Гогенлоэ.

В мае 1913 г. Николай II предпринял последнюю перед мировой войной попытку улучшить отношения с Германией. Он использовал для этой цели свое пребывание на свадьбе дочери Вильгельма II с принцем Кумберлендским. В беседе с кайзером царь заявил, что удовлетворен существующим положением на Балканах и готов отказаться от прежних русских притязаний на Константинополь, оставив Турцию в роли «привратника» на проливах, если Германия, со своей стороны, удержит Австрию от политики захватов, чтобы балканские государства могли сами устраивать свою судьбу. Вильгельм уклонился от принятия этого предложения³⁵. 16

Если в ходе 1-й Балканской войны «европейский концерт» великих держав удавалось хотя бы формально поддерживать (лондонская конференция послов), то 2-я Балканская война знаменовала собой его очевидный Крах. Русская дипломатия приложила все усилия, чтобы предотвратить столкновение вчерашних союзников 26 мая (8 июня) Николай обратился с личным письмом к болгарскому царю и сербскому королю, настаивая на необходимости сохранить мир и союз. Он предупредил их об ответственности перед славянством и о том, что Россия сохраняет за собой свободу действий в отношении возможных последствий непримиримых шагов. Вспыхнувшую войну между Болгарией и ее вчерашними союзниками осложнило вмешательство Турции. Побудить державы коллективными усилиями остановить Турцию России не удалось. Николай II с раздражением писал матери: «Европа тоже хороша, позволяя туркам открыто смеяться и нарушать ее решение относительно турецко-болгарской границы! Все это потому, что нет никакого concert europeen, а существуют не доверяющие друг другу державы. Это грустно, но верно»³⁷.

Царь был недоволен как позицией партнеров по Соглашению, так и в особенности линией Германии, которая не сдерживала Австро-Венгрию, а напротив, поощряла ее к неуступчивости. Новое мирное урегулирование в регионе не сгладило и внутривалканских противоречий. Чувствовалось, что достигнутая передышка недолговечна. Николай II говорил французскому послу Т.Делькассе, что мир продлится 3—4 года, максимум 5 лет³⁷. Его оценка оказалась чрезмерно оптимистичной.

В конце 1913— начале 1914г. серьезный удар по русско-германским отношениям нанесла посылка миссии Лимана фон Сандерса, свидетельствующая о намерении Германии занять в Стамбуле такое положение, которое позволило бы ей окончательно запереть Россию в Черном море. Для Николая II она оказалась тем более неприятной, что компрометировала его лично: германские политики уверяли, будто он был предупрежден о посылке миссии и не возражал против нее, что только формально соответствовало истине. Болезненность эффекта от германской акции усиливалась и тем обстоятельством, что она совпала по времени с очередной тревогой по поводу вероятного перехода в близком будущем превосходства на Черном море к турецкому флоту. Николай II считал, что с этим примириться нельзя и необходимо предпринять чрезвычайные меры для сохранения русского преобладания в Черноморском бассейне³⁸.

Усилия, приложенные русской дипломатией, чтобы договориться с Германией о пересмотре условий контракта Сандерса, а также воздействовать при поддержке партнеров на Турцию, не привели к существенным результатам. Хотя Сандерс перестал командовать

корпусом в Стамбуле, влияние его миссии в Турции не уменьшилось. Русскому правительству пришлось проглотить горькую пилюлю, и царь расписался в бессилии, наложив резолюцию: «Не следует более настаивать»³⁹.

В ходе борьбы вокруг миссии Сандерса произошел важный психологический перелом в настроении руководства МИД России и самого Николая II. 23 декабря Сазонов представил царю записку, в которой утверждал, что поражение России в этом кризисе «может иметь самые губительные последствия». С одной стороны, очередное отступление не предохранит Россию «от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укрепитя опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укоренится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав Тройственного соглашения может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать обеспечения своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря». Сазонов высказался в пользу совместных с Францией и Англией решительных мер давления на Турцию, не взирая на риск вмешательства Германии и серьезных международных осложнений. Министр просил о созыве особого междудементственного совещания, которое обсудило бы его предложения⁴⁰.

Николай II согласился с инициативой Сазонова. На особом совещании 31 декабря /13 января под воздействием председательствовавшего Коковцова была все же намечена более осторожная линия — продолжать настояния в Берлине и лишь в случае неудачи перейти к предлагаемым МИД мерам воздействия на Турцию, при обязательном условии участия не только Франции, но и Англии. Вскоре после этого царь отправил излишне осторожного Коковцова в отставку, и на первое место в правительстве вышла группа А. В. Кривошеина, Сухомлинова и присоединившегося к ним Сазонова.

Из конфликта вокруг миссии Сандерса царь сделал и другой вывод: Европа окончательно разделилась на два враждебных лагеря, и пытаться восстановить европейский концерт безнадежно. Оставалось сделать то, что еще возможно — укрепить связи между Россией, Францией и Англией, превратив Тройственное согласие в открытый оборонительный союз. Предпринимать усилия в этом направлении русская дипломатия начала уже в феврале 1914 года. В объяснениях с французским и английским послами Николай II принял личное участие⁴¹. Но Англия идею союза отклонила, хотя только такое открытое присоединение ее к Франции и России могло охладить Центральные державы. На Даунинг стрит предпочитали, исходя прежде всего из внутренних соображений, сохранить видимость свободы рук. Взамен с английской стороны была предложена форма секретных условных соглашений, уже принятых в отношениях между Францией и Англией. Русская дипломатия и царь уступили.

Таким образом, политика соглашений и балансирования претерпела дальнейшую эволюцию. Если от лавирования между Англией и Германией отказались раньше, то вплоть до начала 1914г. проводилась линия на отсрочку большой войны в интересах лучшей подготовки, что требовало уступок. Теперь русское правительство и царь настроились не отступать более под нажимом Центральных держав, хотя обещания поддержки со стороны Англии носили пока лишь общий, неконкретный характер.

Была ли уступчивость Петербурга Англии в данном вопросе оправданна? Думается, что нет. Руководители русского МИД и сам царь явно недооценили значение русской военной мощи в расчетах британских политиков. Это значение было столь велико, что позволяло добиться если не открытого союза, то по крайней мере заверений в солидарности в случае очередного международного кризиса. Как известно, ни того, ни другого не было достигнуто. Хуже того, русская дипломатия позволила партнеру превратить само сближение двух стран в предмет торга вокруг позиций в зависимых странах Среднего Востока, и в ходе этих переговоров Николай обращался с письмом к королю Георгу⁴². Последняя стадия переговоров с Англией проходила уже на фоне июльского кризиса, закончившегося мировой войной.

4. *«Великая война» и падение самодержца.* Николай II вступил в 1914г. хотя и не в воинственном настроении, но в сознании возможности близкого конфликта и необходимости встретить вероятные грозные события с твердостью. Иллюзий в отношении Германии и возможности оторвать ее от Австрии у него больше не было. Отношения с партнерами по Антанте так или иначе упрочивались. Казалось, сильнее могло тревожить его беспокойное внутреннее положение страны. Верный П.Н.Дурново подал ему записку с предупреждениями об угрозе социальной революции. Царь полагал, однако, что лучше знает свой народ, его верность трону и патриотизм в случае военных испытаний.

Известия об убийстве Франца Фердинанда огорчили царя, но сначала мало встревожили. Николаю представлялось, что дипломаты и министры излишне паникуют. Он давно лично знал действующих лиц развертывавшейся драмы и рассчитывал на их здравый смысл и добрую волю. Впрочем, мысль выдать Сербию на милость Австрии ему в голову тоже не приходила. Когда стали поступать тревожные слухи о готовившемся неприемлемом ультиматуме Белграду, царь дал этому вполне определенную оценку; «По-моему никаких требований одно государство не должно предъявлять другому, если, конечно, оно не решилось на войну». В такой ситуации важно было выработать единую линию поведения с Францией, чему способствовали переговоры Николая с президентом Р. Пуанкаре и главой французского правительства А. Вивиани во время их визита в Петербург. Дипломаты подготовили текст соглашения о скоординированных действиях, а в тостях, которыми обменялись царь и президент, подтверждалось намерение двух держав отстаивать мир «в сознании своей силы», с честью и достоинством.

Едва французские гости покинули берега России, как австрийские политики предъявили Сербии заранее согласованный с Берлином ультиматум. Николай узнал о нем от Сазонова утром 11/24 июля. Царь нашел австрийский демарш «возмутительным», дал согласие на созыв чрезвычайного заседания правительства и велел держать его в курсе дальнейших событий.

На состоявшемся в тот же день заседании Совет министров высказался за дальнейшие усилия в пользу мира, но одновременно наметил серьезные военно-подготовительные меры, включая частичную антиавстрийскую мобилизацию. Николай II одобрил эти рекомендации, собственноручно добавив к числу подлежащих мобилизации Балтийский флот⁴³. Эта последняя мера не представляла серьезной угрозы для Германии, но показывала, что царь не очень верит в ее нейтралитет.

12/25 июля царь собрал заседание Совета министров под своим личным председательством, что свидетельствовало о чрезвычайной важности дела. Решено было, не начиная пока даже частичной мобилизации, ввести в действие на всей территории империи «Положение о подготовительном к войне периоде». В то же время военный министр получил полномочия принимать иные необходимые меры, с согласия царя и с последующим доведением до сведения Совета министров. Тем самым военные приготовления приобретали общероссийский характер, а дальнейшие решения по их развитию сосредоточивались в руках царя и военного министра. Правительство отступало на второй план, зато возрастало влияние военных.

14/27 июля Николай II, еще не утративший надежды на мир, поручил Сазонову попробовать договориться с другими державами о передаче австро-сербского спора на рассмотрение Гаагского трибунала. Но в Париже и Лондоне не поддержали этой инициативы, видимо, считая, что она не имеет шансов на успех и уповая на английское предложение о посредничестве четырех держав (Англии, Франции, Германии и Италии)⁴⁴.

Русская дипломатия продолжала добиваться привлечения на сторону России я Франции британского партнера, солидаризируясь с английскими инициативами. 15/28 июля от А.К. Бенкендорфа из Лондона поступили обнадеживающие сведения, но в тот же вечер Австро-Венгрия объявила Сербии войну. Оставалась надежда на Германию. В ночь на 16-е царь вступил в обмен телеграммами с Вильгельмом, продолжавшийся до самого объявления Германией войны России. Возникшая у Николая II в ходе телеграфной переписки надежда на компромисс даже побудила его на некоторое время отменить собственное решение об общей мобилизации. Колебания Николая объяснялись, думается, не только и не столько верой в Вильгельма, сколько осознанием тяжелой ответственности за принимаемое решение. Последний шанс он, вероятно, видел в применении к австро-сербскому конфликту арбитража в соответствии с Гаагской конвенцией. Но Вильгельм II даже не обратил внимания на этот призыв, смертельно обидев этим царя — формального инициатора Гаагских конференций.

Телеграфировал Николай II и королю Георгу, призывая его открыто поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение европейского равновесия. Августейший кузен отвечал доброжелательными, но слишком общими фразами. Впрочем, вскоре нарушение Германией нейтралитета Бельгии решило вопрос о вступлении в схватку Англии. Война приобрела общий характер. Шовинистические манифестации, которыми встретили объявление войны Петербург и Москва, ободрили царя после тревог и переживаний предыдущих дней. Особенно большое впечатление произвела на него демонстрация думского единства. По мнению Николая II, Дума на этот *pi* оказалась не только достойной своего назначения, но и верно выразил волю нации, так как весь русский народ почувствовал нанесенное Германией оскорбление. «Я думаю, — писал он, — что мы увидим

теперь в России нечто подобное тому, что произошло во время войны 1812 года»⁴⁶. Этот оптимизм оказался чрезмерным, что, правда, выяснилось не сразу.

Одним из первых дипломатических вопросов, возникших с началом войны, стал польский. Потребность привлечь симпатии поляков определилась их положением на границах трех соседних империй. Российский МИ, подготовил проект манифеста, в котором ставилась задача объединена всех польских земель «под скипетром русского царя» с предоставлением «целокупной Польше» свободы «в своей вере, в языке, в самоуправлении; то есть автономии в пределах России. Документ предполагалось опубликовать от имени императора, но И.Л.Горемыкин и министр внутренних дел Н.А.Маклаков убедили его в несвоевременности личного обращения и с ним от имени царя выступил верховный главнокомандующий вел. Кн. Николай Николаевич. В дальнейшем борьба в русском правительстве в (круг польского вопроса продолжалась, причем Николай II симпатизировал более консервативному крылу, отстаивавшему предоставление полякам куцей автономии.

Будущее поляков являлось лишь частью более общего вопроса о целях войны. Инициатива его широкой постановки принадлежала Сазонову, сообщившему еще 1/14 сентября М.Палеологу и Дж. Бьюкенену свой «эскиз картины будущего передела мира, который вскоре был дополнен требованием свободы прохода русских военных судов через Черноморские проливы. Эти первые наброски делались, разумеется, не без ведома царя, но лично он вступил в игру несколько позднее, когда почва уже была подготовлена 8/21 ноября Николай пригласил к себе французского посла Палеолог перед которым изложил свои взгляды на условия предстоящего мира. Они обсудили возможности, связанные с победоносным исходом войны, когда противник будет принужден просить пощады. Царь считал главной задачей союзников уничтожение германского милитаризма, устранение кошмар германской гегемонии в Европе и исключение всякой возможности реванш со стороны побежденного соперника. Палеолог также настаивал на необходимости гарантий и возмещений. Затем Николай в основном повторил проекты, которые уже развивали перед союзниками Сазонов и Кривошею это «исправление границы» с Восточной Пруссией, присоединение Познань и части Силезии к «целокупной Польше», переход к России Галиции и Северной Буковины, что позволило бы империи достигнуть «естественных пределов». Предстояло решить судьбу армян в Малой Азии, освободив их от турецкого ига, изгнать турок из Европы и решить в пользу России проблем проливов. Царь предлагал также сократить германскую территорию на Западе путем возвращения Франции Эльзас-Лотарингии и, быть может передачи ей рейнских провинций. Бельгия получила бы в виде компенсации область Аахена, Дания — Шлезвиг с Кильским каналом, а на границе Голландии возник бы свободный Ганновер. Сама Германия должна была получить иное устройство, во всяком случае с исключением доминирования Пруссии и правления Гогенцоллернов. Большие перемены планировал царь на Балканах. Сербия получила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании, Греция — южную Албанию, а Италия — Валлох Болгария могла бы получить от Сербии компенсации в Македонии. Царь думал положить конец австро-венгерскому союзу, отделив от империи Габсбургов Чехию, так что Австрия свелась бы в конце концов к старым наследственным владениям — Немецкому Тиролю и Зальцбургской области

Царь, как ранее Сазонов, соглашался на все, что Франция и Англия сочтут нужным потребовать в обеспечение их интересов, в частности, и раздел между ними германских колоний. Он выступил за то, чтобы условие мира выработывали только Франция, Россия и Англия, и настаивал на сохранении их союза после войны. Прочный и длительный мир могло дать лишь сохранение сплоченности этих держав⁴⁷.

Обращение Николая II именно к представителю Франции объяснялось не только старыми союзническими отношениями. Зондаж, предпринятый ранее Сазоновым и Кривошеиным, показал, что позиция Франции, особенно в европейских вопросах, ближе России, чем английская.

По-иному, неожиданно для русских правящих кругов, повернулась ситуация в ближневосточном регионе, в вопросе о судьбе проливов. Здесь Англия проявила больше гибкости и дальновидности, чем Франция. Вступление Турции в войну на стороне Центральных держав и нападение германо-турецкого флота на черноморское побережье позволили России поставить этот вопрос перед союзниками «в полном объеме», то есть предложить радикальное решение.

Общий подход Николая II к разделу империи султана определился сразу после турецкого выступления. В специальном царском манифесте говорилось, что «безрассудное вмешательство Турции... откроет России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря». Некоторое время он еще продумывал формы

реализации замысла. Но уже в начале 1915 г. при обсуждении вопроса в правительстве он имел вполне сложившуюся точку зрения. Царь заявил, что признает «только одно решение этого вопроса; присоединение обоих проливов». Сазонов привлек Николая к давлению на менее уступчивую Францию. 3/16 марта в беседе с Палеологом он заявил: «Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов... Город Константинополь и Южная Фракия должны быть присоединены к моей империи», 4 марта царь утвердил пределы территорий, на которые претендовала Россия при решении вопроса о проливах⁴⁸. В тот же день Бьюкенену и Палеологу был передан меморандум, где эти требования излагались со ссылкой на волю царя. Переговоры с союзниками были, как известно, доведены до успешного конца, хотя Франция сопротивлялась на месяц дольше Англии.

Заметим, что союзники пошли навстречу России в вопросе о проливах в 1915г., когда Германия перенесла центр тяжести военных усилий на Восток, вынудив русскую армию отойти из Галиции, отдать противнику Царство Польское с Варшавой и часть Прибалтики. В этой тяжелой ситуации Николай II 23 августа 1915 г. принял на себя верховное командование русской армией, что способствовало общему ухудшению правительственного управления, усилению влияния на государственные дела императрицы и Распутина, «министерской чехарде». В законодательных учреждениях сплотилась оппозиция; «Прогрессивный блок» обвинял власть в неспособности вести победоносную войну. Замена царем дряхлого Горемыкина на распутинца Штюрмера не улучшила положение. Позиции Сазонова, участвовавшего в «министерской стачке» против смены главковерха, оказались подорванными.

Он еще успел принять участие в выработке соглашения о разделе Азиатской Турции. Согласие союзников на присоединение к России проливов было обусловлено обещанием Петрограда поддержать осуществление их планов «как в Оттоманской империи, так и в других местах». Конкретизируя свою часть сделки, Англия и Франция разработали и в 1916г. сообщили России свой проект раздела азиатских владений Турции. Его условия были не вполне приемлемы для России. Сазонов воспользовался успехами русской армии на Кавказском фронте, чтобы сформулировать некоторые поправки к соглашению. Царь поддержал своего министра, указав, что если русской армии «удастся дойти до Синопа, то там и должна будет пройти наша граница»⁴⁹. Союзникам пришлось учесть русские пожелания. А в июле 1916г. царь отправил Сазонова в отставку. Возражения Парижа и Лондона, видевших в Сазонове залог следования России прежним внешнеполитическим курсом, не были приняты во внимание. Новым министром иностранных дел стал тот же Штюрмер, которого Англия и Франция не без некоторого основания подозревали склонности к сепаратному миру.

Настроения в пользу примирения с Германией действительно проявлялись в то время в среде правых и в придворных кругах. Царь держался более стойко. 12 декабря 1916г. он издал приказ по армии и флоту, в котором заявил о преждевременности мира, коль скоро «враг еще не изгнан из захваченных им областей», а «обладание Царьградом и пролива ми, равно как создание свободной Польши из всех трех ее, ныне разрозненных, областей еще не обеспечено»⁵⁰.

Все же западные союзники были настолько встревожены возможностью выхода России из войны, что принимали предупредительные меры, воздействуя на русское правительство и лично на царя, то заигрывал с оппозицией. Николай II реагировал на непрошенные советы довольно резко, потребовав даже отзыва Бьюкененя.

Февральская революция не только изменила соотношение сил внутри России, но и существенно повлияла на ее отношение к войне. Последний царь внес свою лепту в развернувшуюся сразу после революции борьбе вокруг этого вопроса. В акте об отречении он призвал армию и народ продолжать войну до победного конца. Но его личная роль во внешне политике России была уже сыграна.

Заключение

Николай II и по законам, и по традиции, и по убеждению являло полновластным руководителем внешней политики России на протяжении всего своего царствования. В этой деятельности он следовал принципа самодержавия как основы могущества страны, ее великодержавия, вер в божественную поддержку помазанника и его православной империи.

Историческая обстановка николаевского правления была сложна и противоречива. С одной стороны, обострение противоречий между великим державами вело к столкновениям как в Европе, так и на Дальнем Востоке. С другой — приобрела особую остроту проблема модернизации. Страх успеха же ее зависел от сохранения на более-менее длительный срок внешнего покоя.

Руководство политикой империи осложнялось отсталостью ее государственного

аппарата, включая ту его часть, которая ведала иностранные делами; в этой области управления особое значение приобретали личные качества самодержца. Николай II был, как представляется, политически деятелем средних государственных способностей, тогда как обстановка была весьма неординарной.

В первое десятилетие царствования он отличался воинственностью, склонностью преувеличивать силы России, стремлением в некоторых важных вопросах выйти из-под опеки министров. Николай решительно поддержал «безобразовцев» и Плеве против Ламздорфа, Витте и Куропаткин и принял на себя ответственность за «новый курс» на Дальнем Востоке ускоривший злосчастное столкновение с Японией.

После тяжелой неудачной войны и революции царь примирился с политикой соглашений и балансирования, преследовавшей цель отсрочить решение важных внешнеполитических вопросов до восстановления сил стран хотя его авантюристическая жилка изредка давала о себе знать.

В 1912—1914 гг. политика соглашений и балансирования под влиянием сдвигов в международной и внутренней обстановке серьезно эволюционировала. Россия по своей инициативе стала на путь укрепления отношений с Францией и Англией. Русская дипломатия и лично Николай II не сумел заручиться открытым или хотя бы определенным обязательством Англии поддержать франко-русский союз в случае столкновения с Германией и Австро-Венгрией. Во внутриправительственной борьбе в России царь стал на сторону группировки, считавшей нецелесообразным и опасным дальнейшие уступки Центральным державам. В результате Россия вступила в мировую войну, не завершив ни модернизации, ни уже намеченных военных программ.

Наконец, Николай II несет личную ответственность за несовершенство аппарата принятия внешнеполитических решений в России, так как последовательно выступал против попыток внести изменения, хоть отчасти ограничивающие прерогативы царской власти. 22

Примечания

1. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ А. М. Подготовка России к мировой войне в международном отношении. М. 1926; ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Царствование императора Николая II. Т. I. М. 1992, с. 39.
2. ЛАМЗДОРФ В. Н. Дневник. 1894—1896 М. 1991, с. 405; Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1622, оп. 1, д. 4, л. 1—3.
3. ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Ук. соч., т. 1, с. 46.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Политархив, д. 3048а, д. 4й-47.
5. Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке.— Красный архив, 1932, т. 3 (52), с. 76; ВИТТЕ С. Ю. Воспоминания Т. 2. М. 1960, с. 583.
6. ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Ув. соч., т. 1, с. 214—215; НАРОЧНИЦКИЙ А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860—1895 М. 1956, с. 791—792.
7. РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 936, л. 40об.; Пролог русско-японской войны СПб. 1916, с. 36. в. РЫБАЧЕНОК И. С. Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М. 1993, с. 139.
9. ПОНОМАРЕВ В. И. Свидание в Бальморале и русско-английские отношения 90-х годов XIX в.— Исторические записки, т. 99. М. 1977.
10. РЫБАЧЕНОК И. С. Орудие, направленное против России,— Источник, 1995, № 1.
11. ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 121—124; ФУРСЕНКО А. А. Борьба за раздел Китая и американская доктрина открытых дверей М.—Л. 1956, с. 209—215. 12 Дневник А. С. Суворина. М. 1923, с. 339; Красный архив. 1922, т. 2, с. 31—32.
13. Красный архив, 1931, т. 3 (46), с. 130, 127.
14. Там же, 1932, т. 3 (52), с. 102.
15. РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 133, л. 2—3; д. 19, л. 1об; ВИТТЕ С. Ю. Ук. соч., т. 2, С. 142.
16. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 163/165, л. 3.
17. ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Ук. соч., т. 1, с. 95, 96.
18. РГИА, ф. 1622, оп-1, д. 706, л. 1—16.
19. Красный архив, 1926, т. 5 (18), с. 39—41.
20. РЫБАЧЕНОК И. С. Николай Романов и К^о. Путь к катастрофе. — Российская дипломатия в портретах. М. 1992, с. 313,
21. РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 681, л. 1.
22. РЫБАЧЕНОК И. С. Николай Романов и К^о с. 317—318.
23. Красный архив, 1922, т. 2, с. 106.
24. АВПРИ, ф. Личный архив А. А. Савинского, оп. 834, д. 20, л. 67об., 70.
25. РОМАНОВ Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, с. 282; АВПРИ, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 40, л. 24—26.
26. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1904 г., д. 35, л. 29; Красный архив, 1924, т. 5, С. 9; Сб. договоров России с другими государствами, 1856—1917. М. 1952, с. 335—336.
27. АВПРИ. ф. Канцелярия, 1906 г., д. 54, л. 272—274, 1905 г., д. 81, л. 102—104об.
28. Российский государственный военпо-исторический архив, ф. 2000, оп. 1, д. 155, л. 54; МАРИНОВ В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной М. 1974, с. 27. 29 CARLGREN W. M. Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Uppsala. 1955, S 103—104, 108; АВПРИ, ф. Секретный архив, д. 380/387, л. 75, 76. 79об.

30. БЕСТУЖЕВ И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906—1910. М, 1961, с. 260—261; *Die Grosse Pohtik der Europaischen Kabinette*. Bd. 26/1, S. 380—382.
31. Красный архив, 1932, т. 1-2 (50-51), с. 188; ОЛЬДЕНБУРГ С. С. Ук. соч., т. 2, с. 38.
32. Международные отношения в эпоху империализма (МОЭИ). Сер. 2, т. 18, ч. 1, с. 173, 174. 23
33. МОЭИ, т. 20, ч. 1, с. 236; ПИСАРЕВ Ю. А. Великие дврж&лы в Балканы накануне первой мировой войны. М- 1985, с. 108.
34. КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого. Кн. 2. М.1991, с. 181—186; АВПРИ, ф. Комиссии ио изданию документов «Международные отношения в эпоху империализма», д. 196, л.202—204.
35. ОЛЬДЕНБУРГ С- С. Ук. соч., т. 2, с. 102—103.
36. АВПРИ, ф. Секретный архив, д. 318/321. л. 20—21; ф. Комиссии, д. 329, л. 887.
37. Там же, ф. Комиссии, д. 420, л. 1024.
38. Там же, ф. Секретный архив, д. 461/480, л- 20.
39. Там же, ф. Политархив, д. 3310, л. 42.
40. АВПРИ, ф. Политархив, д. 33096, л, 2—6.
41. LIEVEND. Nicholas П. *Twilight of the Empire*. N.Y. 1994, p. 197; *Documents diplomutiquee francais*. 3e Ser. T- 9, p. 234—235, 414—417; 1.10. p. 113—114.
- ⁱ 42. МОЭИ. Сер. 3, т- 5, с. 64—65.
43. Там же, т. 4, с. 299; т. 5, с. 4, 5, 45, 38—40.
44. Там же, с. 59—60; Письмо Государя Императора НиколаяП от 14/27 июля 1914г. на имя С. Д. Сазонова. Белград. 1941.
45. МОЭИ. Сер. 3. т. 5, с. 359—361.
46. LIEVEN D. *Op. cit.*, p. 204.
47. ПАЛЕОЛОГ М. Царская Россия во время войны. М. 1991, с. 126—130,
48. Европейские державы и Турция во время мировой войны. Т. 1. М. 1925, с. 364, примеч. 4; т. 2. М, 1926, с. 124; ПАЛЕОЛОГ М. Ук. соч., с. 168; МОЭИ. Сер. 3, т. 7, ч. 1. с. 392—393.
49. Сб. договоров России, с. 453.
50. МАРТЫНОВ Е. И, Царская армия в Февральском перевороте. Л. 1927, с.48.